

по отношению к Гр. Распутину пройдет», но, к сожалению, обычное малодушие этой власти, особенно позорно и, скажу не обинуясь, преступно сказавшееся осенью 1909 года в так называемом браке военного министра Сухомлинова, лишает меня этой надежды — и потому я взываю этой статьей не к церковной власти, а к нравственному сознанию и здравому смыслу рядовых пастырей и братьев-мирян.

Еще нечто о Григории Распутине¹

«Вкрались некоторые люди... нечестивые, обращающие благодать Бога нашего в повод к распутству» (Иуд. 4).

«Это... морские волны, пенящиеся срамотами своими, звезды блуждающие, которым блюдетсся мрак тьмы навеки» (там же, 13).

«Их конец — погибель, их бог — чрево, и слава их в сраме» (Филип. III, 19).

«Имеющие вид благочестия, силы же его отрекшиеся. Таковых удаляйся. К сим принадлежат те, которые вкрадываются в дома и обольщают женщин» (2 Тим. III, 5–6).

Моя статья «Духовный гастролер Григорий Распутин», помещенная в № 49 «Московских ведомостей», обратила на себя внимание, вызвав отклики как в печати, так и в письменных обращениях ко мне со стороны некоторых лиц. Вместе с тем она породила недоумения и сомнения, которые мне пришлось услышать из уст людей, с одной стороны, и не слышавших о Григории Распутине, с другой — таких, которые немало слышали о нем, но не знают его лично. Получены мною письма и от лично знакомых с Григорием. Все это побуждает меня опять взяться за перо, чтобы дать некоторые разъяснения и дополнения.

Не знающие лично Гр. Распутина, но слышавшие о нем, не все, правда, но некоторые, по крайней мере, склонны думать, что свидетельства против Распутина могут возникать из партийных, античерносотенных, настроений и как таковые естественно вызывать недоверие к себе. Не отрицая *относительного* значения этих соображений *вообще*, я *категорически* утверждаю, что приведенные мною свидетельства изошли от людей, которые совершенно чужды в своих суждениях о Григории Распутине партийных соображений. Для некоторых из них,

¹ Печатается по: Московские ведомости. 1910. 30 марта. № 72. С. 2.

напротив, естественнее было бы по этим соображениям стоять за него. Не ручаюсь за газетного репортера, корреспонденция которого приведена мною в начале предыдущей статьи, ибо не знаю его лично, но его сообщения так гармонируют с показаниями последующих свидетелей, лично мне известных, что они не могут быть заподозрены с достаточным основанием. Засим я обращаюсь к письмам некоторых моих корреспондентов, отозвавшихся на мою статью о Распутине. Извлеку нечто из трех таких писем.

«Достоуважаемый о Господе М. А.! Милость Божия буди с вами! — пишет мне один из самых верных Церкви епископов (как ни странно, может быть, а в наше время приходится отмечать и отличать эту верность и в епископах). — Собрался написать вам, когда прочитал вашу статью о Григории. Спасибо вам за разоблачение хоть одного еретического обманщика».

Оказывается, что сей Григорий «пытался подделаться» и к этому епископу, но... «оставил в нем недоброе впечатление святоши» и был обличен им в том, что, «бросив семью, шатается по столице»...

Это письмо, конечно, не вызывало меня на публичный отклик, и если я сделал из него небольшую выдержку, то потому, что вижу в нем новое свидетельство в пользу моей оценки Григория Распутина.

Но другое письмо, полученное мною из Петербурга от одного моего хорошего знакомого человека и интеллигентного, и истинно-благочестивого, нравственно требует от меня решительной отповеди. Вот это письмо в извлечении:

«Дорогой М. А.!.. Что касается вашей статьи о Григории, то мнение о нем С.-Петербурга раздваивается: одни — за него, другие — против. Я не составил еще своего мнения. Во всяком случае, у него удивительное сочетание высокого с обыденным, ненужным и, может быть, даже фокусным. Я хотел бы изучить его без предвзятой мысли в его пользу, и ваша статья служит для этого прекрасным подспорьем»...

В помощь и назидание моему слишком доверчивому другу (недавно лишь столкнувшемуся непосредственно с Григорием) и другим таким же доверчивым россиянам я расскажу о Распутине нечто из недосказанного в предыдущей статье, оказавшейся, очевидно, недостаточной для полного вразумления некоторых моих собратий.

Мне *достоверно* известно, что этот самый «старец» (ему на вид лет 40 с небольшим) — эртоман (по выражению епископа, о котором я упоминал в первой статье) из *религиозных* якобы побуждений и с *религиозными* целями устраивал в бане, *несомненно* у себя на родине, а *вероятно* и в других местах, своеобразные «собеседования» с своими оболыщенными его «святостью» поклонницами, причем как сам он, так

и эти несчастные целой группой предстояли друг другу совершенно *нагими!*

Безумие, до которого доходят жертвы этого человека, и обольщение, которому они предаются, не без диавольского, полагаю, воздействия, простираются до того, что они убеждены по *опыту*, будто прикосновение к ним Григория «сообщает им чувство ангельской чистоты», что «он возводит их в райское состояние» и т.д.

Еще маленькая экскурсия в область его религиозной философии.

Когда однажды ему было указано, что Церковь не знает таких путей к Богу, какие рекомендует и практикует он, и решительно их отвергает, Распутин заметил: «*Все для души, и Церковь для души*». «*Вот ей хорошо со мной*, — конкретно пояснял свои слова новоявленный духоносец, прижимая к себе одураченную даму высшего круга, — *тут и Церковь*».

Чтый да разумеет!

Дальше я пока не иду. Если в первой статье я показал лишь листочки на этом ядовитом древе, если здесь раскрылся перед нами цветок, то о плодах да позволено мне будет умолчать!

Несколько слов о тактике этого сибирского выходца. Он хитро создает такие кружки, члены коих мало знают или совсем не знают, что творится в других им организуемых кружках. *Divide et impera!* Степень посвящения в «тайны» обуславливается *характером, положением, мерой обольщения* лиц, с которыми он имеет дело. Я убежден, что многие потому только и не изгоняют с позором этого «идейного» распутника, что, благодаря его хлыстовской тактике, им неведомо многое, что проделывает этот пустосвят. Убеждение это и понуждает меня глубже вскрывать творимые им «дела тьмы», кои обличать повелел апостол (Ефес. V, 11). Дела эти не просто «амурные похождения», как характеризует их, на основании первой моей статьи одна газета (оглашать *такие* лишь дела я не счел бы себя вправе); нет, здесь нечто более серьезное, взывающее к суду если не к гражданскому, то церковному.

В заключение считаю долгом своей совести и требованием любви к ближнему мне, уважаемому еп[ископу] Феофану, ректору С.-Петербургской Духовной Академии, подчеркнуть в этой статье его отношение к Григорию Распутину более отчетливо, чем я это сделал прошлый раз. Считаю это тем более необходимым, что одна из петербургских газет, перепечатавшая часть моей статьи и Григории Распутине, упомянула об епископе Феофане, игнорируя мое заявление о его взгляде на сибирского «старца».

Относясь раньше с симпатией к Григорию (каковой симпатии временно не были чужды и некоторые другие епископы и духовные лица

разных рангов), преосвященный Феофан еще с прошлого года стал прозревать в нем то, что с особенно яркостью и выпуклостью обнаружилось в нем за последнее время. Результатом наблюдений его и некоторых близких к нему людей над личностью и деятельностью Распутина было признание, что последний находится в состоянии, которое на языке церковном именуется «прелестью». Руководясь заповедью Спасителя — не отвергать брата без братского обличения, епископ Феофан обличал его сначала наедине, указывая ему его нравственные заблуждения, а затем, совместно с иеромонахами Вениамином (канд[идат] С[анкт]-П[етербургской] Д[уховной] Академии) и Макарием (смотрителем Смоленского духовного училища). При этом последнем обличении Григорий Распутин сначала пытался оправдываться, а потом, когда попытка эта не удалась и пришлось признать себя виноватым в нарушении элементарных требований Евангелия и учения св. отцов, он обещал отвергнуть свое нечестие и исполнить одно требование, которое было ему предъявлено с целью, с одной стороны, его нравственного исцеления, с другой — как испытание искренности его раскаяния. Но это торжественно данное обещание он нарушил.

Вскрывшиеся затем и доселе продолжающие вскрываться все новые факты в жизни нашего «духовного гастролера» привели епископа Феофана к тому, что он совершенно отверг от общения с собой Григория Распутина и в письме ко мне по поводу моей статьи написал: «Новые данные, открывающиеся из деятельности Г., еще более подтверждают, что он заблуждается более и более и подпадает под власть бесовскую, помрачился окончательно и упорствует в неправде всяческими неправдами». В другом письме преосвященного Феофана ко мне сказано еще больше, еще точнее... Но, полагаю, что на этот, хотелось бы надеяться — последний раз высказано мною достаточно. И, конечно, *sapienti sat!**

* Для понимающего достаточно! (лат.). — *Сост.*